

Ремейки на роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина» в современной российской драматургии: пьеса В.В. Сигарева «Алексей Каренин»

(по мотивам романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»)

Иванова Наталья Петровна¹

¹Псковский государственный университет, Псков, Россия

¹Email: nplechova@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается ремейк В.В. Сигарева на роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Название пьесы драматурга смещает толстовский угол зрения на героев: Сигарев акцентирует внимание на психологической стороне образа Алексея Каренина, раскрывающегося во взаимоотношениях с Анной, Серёжей и Лидией Ивановной. В пьесе Каренин предстаёт слабым, непонятым близкими, одиноким, но вместе с тем способным на прощение измены, находящим в себе силы жить для детей. Сигарев показывает Каренина не государственным человеком, сухим и равнодушным, а глубоко страдающим, вызывающим сочувствие к себе персонажем.

Ключевые слова: ремейк, герой, текст, роман, жанр, пьеса

Remakes of Leo Tolstoy's "Anna Karenina" in Modern Russian Drama: V. Sigarev's Play "Alexei Karenin"

(Based on the Novel by L.N. Tolstoy "Anna Karenina")

Ivanova Natalia Petrovna¹

¹Pskov State University, Pskov, Russia

¹Email: nplechova@yandex.ru

ABSTRACT

The article discusses V.V. Sigarev's remake of Leo Tolstoy's novel "Anna Karenina". The title of the playwright's play shifts Tolstoy's point of view to the characters: Sigarev focuses on the psychological side of Alexei Karenin's image, which is revealed in his relationship with Anna, Seryozha and Lidia Ivanovna. In the play, Karenin appears weak, misunderstood by his loved ones, lonely, old, but at the same time capable of forgiving betrayal, finding the strength to live for children. Sigarev shows Karenin not as a statesman, dry and indifferent, but as a deeply suffering, self-pitying character.

Keywords: remake, hero, text, novel, genre, play

Роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина» находится в числе самых популярных произведений русской классической литературы, получивших воплощение в разных видах искусства, особенно в театре и кино. Различные постановки романа демонстрируют как близкие к толстовскому тексту трактовки прочтения произведения, так и отличные от него. Одним из видов интерпретации классики, в частности «Анны Карениной» Толстого, стали особенно популярные в начале XXI столетия ремейки, в которых можно видеть попытку авторов (режиссёров, драматургов, сценаристов) осовременить, переосмыслить классическое произведение на разных его уровнях: идейном, композиционном, сюжетном и др. [См. 7,8].

Ремейк как явление, по мнению А. Марон, занимает промежуточное положение между «классикой и массовостью, бросает вызов литературной иерархии, литературным канонам» [4,9] Вопрос об отношении ремейка к претексту актуализируется самими их названиями: «Алексей Каренин» – у В.В. Сигарева, «Анна Каренина II» – О.А. Шишкина. Если в первой пьесе сделан акцент на герое, то во второй – на Анне, притом на продолжении её истории. Разделяет обе пьесы десятилетие. В данной статье мы остановимся на первом ремейке, написанном В.В. Сигаревым.

Впервые пьеса «Алексей Каренин» с подзаголовком «по мотивам романа Л. Толстого» была напечатана в журнале «Топос» в 2011 г. и представлена на сцене разных театров: МХТ им. Чехова (режиссёр – Виестурс Мейкшанс) (2012 г.), театра «Русская антреприза» имени Андрея Миронова (реж. – Ю. Цуркан), Воронежского камерного театра (реж. – Р. Маликов), «Театра на Спасской» (реж. – Е. Чернышов) и др. При этом постановки пьесы отличает разная жанровая трактовка сценического представления режиссёрами. Так, В. Мейкшас представил её как «трагикомедию».

Василий Сигарев не даёт жанрового определения своей пьесы, но всё её наполнение свидетельствует о трагическом положении героев. Смещая акцент с Анны на Алексея Каренина, драматург ставит перед собой иную, в сравнении с толстовской, задачу: изобразить Каренина, и сделать это в драматургическом тексте. Для решения этой задачи Сигарев

представляет последовательную линию раскрытия персонажа через основные сюжетные эпизоды, которые он берёт из романа Толстого (приезд Анны из Москвы, сцена скачек, признание Анны Каренину в любви к Вронскому, бегство Анны из дома, гибель героини).

Вместе с тем начинается пьеса не толстовски: с описания родов Анны и рождения Серёжи. Такое начало в представлении героя призвано показать его не человеком на государственной службе, а дома, в один из важнейших моментов семейной жизни. И этот эпизод раскрывает Каренина как человека со слабыми нервами, который не может слышать криков роженицы и с отвращением смотрит на только что родившегося сына. Герой вообще очень безразлично относится ко всему, что связано с увечьем человеческого тела. Так, в главе I, во время разговора с Анной на перроне, он не может слышать её упоминания о раздавленном стороже:

АННА. На станции поездом задавило сторожа...

Каренин затыкает уши.

КАРЕНИН. Только не эти страсти, Анна! Прощу! Ты же знаешь...

АННА. Может он бросился...

КАРЕНИН (еще сильнее затыкает уши). Анна! [6]

Для героя характерно желание спрятаться от мира в моменты тревоги и опасности. См. ремарки в сцене родов Анны: «*Каренин прячется за штору*», «*закрывает глаза руками*», «*Каренин, как растерянная женщина, прижимает руки ко рту*» [6] и др. В стремлении закрыться от неприятного и страшного герой похож на ребёнка. Это доказывает его желание спрятаться на груди у Анны в разных эпизодах пьесы. Так, когда родившегося Серёжу Анна кладёт себе на грудь, Каренин «*кладет свою голову рядом, утыкается лицом в грудь Анны. И только сейчас ребенок начинает плакать. А вместе с ним и Каренин*» [6]. Или в эпизоде возвращения Анны от Бетси ожидающий её Каренин садится с ней на лестничную ступеньку и «*делает движение головой к её груди*», Анна хохочет.

Почему Алексей делает такой жест? Он испытывает страшное волнение, поскольку видел, как близко она сидела рядом с Вронским в гостях у Бетси. Верить в её измену он не хочет. Желание спрятаться на груди у жены демонстрирует детское поведение героя. В Анне он видит утешение, которое даёт мать, но на это он, Каренин, уже не имеет права. Осознание своего возраста заставляет его протестовать. Когда Анна отталкивает его – а это происходит не единожды в пьесе – он произносит: «Я ещё не старик», а «Пора, Алексей Александрович, пора» – говорят **старикам**, – заключает он [6]. – (Выделено мной - Н.И.)

Одиночество с Анной, не отвечающей на его ласки, подчеркнуты и в главе 8, когда Каренин «*сооружает из одеяла что-то отдаленно похожее на женскую фигуру. Торжествующе оглядывает это свое творение. Улыбается заплаканным лицом. Ложится рядом, прижимается, утыкается лицом туда, где, по его мнению, должна находиться грудь. И через секунду засыпает*» [6].

Мысли о своём возрасте не оставляют Каренина, когда он думает о Вронском, понимая, что Анна увлечена им. Когда Алексея осматривает врач, то вопросы доктора относительно мужского здоровья задевают Каренина. Особенно явно переживание героем возраста представлено во сне Каренина, в котором Анна и Вронский смотрят на него как на незнакомца: «Что нужно этому старику?», – говорят они, а завершается сон словами: ««Дорогу молодежи!» Каренина сметаet толпа танцующих» [6].

Возраст отца замечен и для Серёжи: «Почему ты старый, а мама молодая?» [6]. Вообще Серёжа – единственный персонаж, с которым Каренин чувствует себя естественно и свободно. Серёжа – самый родной для него человек, которому он высказывает свою боль. Показательна сцена возвращения Каренина из зала дворца, где ему вручают орден Александра Невского, домой, где он узнаёт о бегстве Анны:

КАРЕНИН. Ты что же от меня хочешь?! Вы что же от меня хотите?! Вы чего себе надумали?! Вы зачем меня топчите?! Я старик! Я старик! Я старик!

Серёжа пятится.

КАРЕНИН. Нет! Не ходи! Подойди! Говори мне!

Серёжа замер на месте, его трясет.

КАРЕНИН. Говори мне! Отвечай! Отвечай мне!

Ползет на коленях к Серёже.

КАРЕНИН. Отвечай мне! Говори! Отвечай мне!

Бьет Серёжу по щеке.

КАРЕНИН. Отвечай мне! Отвечай мне!

Бьет. Серёжа не шевелится, но и не плачет.

КАРЕНИН. Отвечай мне!

Бьет еще. Закрывает лицо руками, рыдает. Серёжа обнимает его голову, гладит её [6].

В этой сцене Каренин показан в накалие своей душевной боли, в бессилии изменить произошедшее, жертвой которого становится и он, и его ребёнок.

Когда герой спрашивает Серёжу, с кем бы он хотел остаться: с матерью или отцом, Серёжа отвечает: «с обоими». Серёжа, как и его отец, хочет жить в полной семье, он любит родителей. Психологическая травма, которую может получить ребёнок при известии о гибели матери, не может (или не хочет) предотвратить Каренин. Он не останавливает Лидию Ивановну в её намерении известить Серёжу о смерти Анны, хотя и понимает жестокость таких слов, тем более ложных.

Герой очень податлив и труслив. В своем бессилии перед сильной женой он признаётся сыну: «Я, Сережа, слабый. Совсем слабый». Понимая вину Анны, он всё же позволяет ей решать, что предпринимать и как жить дальше.

Вопрос, который задаёт своим текстом Сигарев: кто виновен в трагедии жизни Каренина? – сложен и вряд ли однозначно разрешим. Так, А. Григорян отмечает: «Трагедия Каренина, согласно Сигареву, не в том, что жена полюбила другого (это он готов ей простить и прощает, принимая, как собственного, чужого ребенка), но в том, что Анна не любит его, и любовь к другому – только следствие нелюбви к старому мужу, вся

вина которого только и состоит в том, что он стар: «Что нужно этому старику?.. А что же у него уши так выдаются, если он мой муж? Мой муж не может быть с такими ушами. Я не могу любить такого» [1].

Позволим себе не согласиться с этим выводом. Ведь если считать, что виновата Анна, то это сводит конфликт на бытовом уровне. Если полагать, что виновато общество с его укладом, то это не исчерпывает личностных переживаний героев. Сам образ Каренина, бессильного что-либо изменить в своей жизни, – причина происходящих с ним злоключений. Он не способен понять окружающих. Так, глух он к попытке самоубийства Вронского, происходящей в его доме, глух и к высказываниям своего друга, как именует себя Лидия Ивановна:

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Я хочу обратить ваше внимание... Я заметила... И не только я... Я хочу указать вам на неприличное... Об этом даже говорят... И весьма говорят... Так вот, я хочу указать вам на это...

КАРЕНИН. На «это»?

ЛИДИЯ ИВАНОВНА. Я хочу указать вам на неприличное сближение вашей жены и графа... Вронского...

Долгое молчание. Лидия Ивановна пристально вглядывается в лицо Каренина. Оно не показывает никаких эмоций. Входит лакей с чаем.

ЛАКЕЙ. Чай для вашего превосходительства и графини.

Каренин кивает. Лакей расставляет приборы, наливает чай, уходит.

КАРЕНИН. Чаю, Лидия Ивановна?

Кладет сахар, долго мешает, бренча ложкой. [6]

Долгое бренчание вызывает волнение персонажа, не желающего говорить с Лидией Ивановной на болезненную для него тему. Герой «перекрывает» переживаемое горе сухими разговорами о делах службы. Сдержан Каренин и в кульминационный момент признания Анны: тихое заглушённое страдание его передано через мимику: «рот его исказился» [6], но ни крика, ни плача не было явлено.

Алексей Каренин показан Сигаревым в частной жизни. Несчастный муж, не любимый женой и покинутый, он находит силы простить и её, и любовника. В момент вторых родов Анны Каренин переживает чувство просветления. Вронскому он говорит:

КАРЕНИН. ...Я простил совершенно. Я хочу подставить другую щеку, я хочу отдать рубаху, когда у меня берут кафтан, и молю Бога только о том, чтоб он не отнял у меня счастье прощения! Вот мое положение. Вы можете затоптать меня в грязь, сделать посмешищем света, я не покину ее и никогда слова упрека не скажу вам. Моя обязанность ясно начертана для меня – я должен быть с ней и буду [6].

Следует сказать, что в изображении Вронского Сигарев близок Толстому: персонаж обоих авторов намеренно изображён поверхностно, плоско, он нигде не выказывает себя. В нём подчёркнута только молодость и сопутствующая ей сила. В нём есть то, что отсутствует у Каренина.

Представляется спорным утверждение М.С. Лантух и Е.А. Селютиной, считающих, что «вся пьеса построена на ощущении неловкости, нелепости, неуместности и ненужности главного героя» [3, с. 113]. На наш взгляд, несмотря на слабость Каренина, его неверно считать никчемным. Важным качеством героя, отличающим его, главным образом, от Анны, выступает способность быть с теми, кто от него напрямую зависит – с детьми. Принимая ребёнка Анны и Вронского в свою семью, он видит в нём дитя любимой Анны. Каренин несчастлив в любви к жене, но нельзя назвать его ненужным в любви к детям, оставшимся без матери. Надо полагать, что истинного себя Каренин находит в отцовстве. Дети примиряют его с жизнью, ведь они – дети Анны.

Символичен финал пьесы, оканчивающейся не сеансом медиума Ландо, передающего рассказ о гибели Анны, а сценой в детской. Тело Анны привозят домой, а Каренин приходит к её дочери:

Нянька выходит. Каренин садится на место няньки. Смотрит на девочку. Долго смотрит.

КАРЕНИН. Зачем же ты, Аня?

Встает на колени, кладет голову рядом с девочкой. И так засыпает [6].

Характерное для героя, неоднократно подчёркиваемое драматургом стремление уткнуться в грудь Анны, лечь рядом, найти в ней утешение, забыться – реализуется с ребёнком. Успокоение он находит в заботе о младенце, совместном сне, примиряющим его с действительностью.

Ремейк В. Сигарева, сосредоточенный на внутреннем мире Каренина, служит раскрытием психологической стороны личности персонажа, оказавшегося в ситуации не менее сложной, чем у Анны, выбора. И свой выбор герой делает в пользу всепрощения, христианского принятия жизни с её трагически переживаемыми им испытаниями. Акцентируя внимание на Каренине, Сигарев высвечивает его глубоко страдающую натуру, бессильную что-либо изменить в сложившихся обстоятельствах, кроме одного: быть отцом детей, которых дал ему Бог. И принятие ребёнка Анны, несмотря на всю боль, которую она причинила ему, свидетельствует о высоком духе героя, его способности к любви тех, кто в ней нуждается.

Каренин, как глава семьи, видит в Анне не только женщину, но, прежде всего, мать. И сам он нуждается, как показано в ремейке, в материнской любви, давно утерянной. Своё сиротство в семье Каренин не может показать, его видим лишь мы, читатели и зрители пьесы, когда герой остаётся наедине с собой. Примирение с собой и с жизнью Каренин находит благодаря детям. Засыпая – сначала в сцене с Серёжей, затем, в финале, с дочерью Анны, – он сам будто возвращает себя в младенчество, в состояние ничего не ведающего детства. И в этом, надо полагать, и есть решение проблемы сиротства, покинутости и трагичности мироощущения персонажа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Григорян Анаит Реабилитация Каренина // Знамя. – 2015. – № 8. Режим доступа: <https://znamlit.ru/publication.php?id=6018> (Дата обращения: 11.02.2025).
- [2] Любимцева-Наталуха Л.Н. Деконструкция и деструкция толстовского текста в русских драматургических ремейках романа «Анна Каренина» // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. / Горловский ин-т иностр. языков; Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Вып. 4(28). Литературоведение. – Горловка: Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2017. – С. 60-65.
- [3] Лантух М.С., Селютина Е.А. Специфика трансфера художественного текста из эпоса в драму (на примере пьесы В. Сигарева «Алексей Каренин» // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 2 (472). – С. 108–116.
- [4] Марон А. Драматургический ремейк – ответ на поп-культуру. Режим доступа: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1739306682&tld=ru&lang=ru&name=A_Maron_Dramaturgiceskij_remej_k_otvet_na_pop_kulturu.pdf&text (Дата обращения – 12.02.2025).
- [5] Нефагина Г.Л. Русская проза конца XX века: Учебное пособие: Флинта. – Москва, 2003, 277 с.
- [6] Сигарев В. Алексей Каренин. Пьеса по мотивам романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» Режим доступа: <http://vsigarev.ru/doc/karenin.html> (Дата обращения: 11.02.2025).
- [7] Таразевич Е.Г. Римейк в современной русской драматургии // Современная русская литература: Проблемы изучения и преподавания. Сборник статей: Пермский государственный педагогический университет. – Пермь, 2005. – С. 318–322.
- [8] Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности: Комкнига. – Москва, 2006. – 280 с.

- [9] Черняк В.Д., Черняк М.А. Базовые понятия массовой литературы: Учебный словарь-справочник: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена. – Санкт -Петербург, 2009. – 167 с.